

— Имя каждого человека уникально, ведь уникален и он сам. Каждый ребёнок приходит в этот мир, полный великой любви, и растёт, окружённый бесконечной родительской заботой. Ваше имя — начало этой любви, её прекраснейшее подтверждение...

Для первоклашек эти речи звучали слишком уж заумно. В классе стояла удушливая жара, а старый, дребезжащий под потолком вентилятор усыплял не хуже колыбельной.

Семилетний Ли Чжи распластался по парте — вспотевшие руки намертво прилипли к крашеному дереву. Он послушно таращился на заливавшуюся соловьем учительницу, но понимал едва ли половину из её цветистых фраз.

Провещав добрых полчаса в пустоту, классная дама окинула взглядом вялые, точно прибитые градом сорняки, головы учеников, со вздохом признала их безнадежными и разочарованно покачала головой.

— Дома обязательно спросите у родителей, почему вас так называли, — подытожила она максимально простым языком, поспешив закончить урок, окончательно испортивший ей настроение.

Вот теперь Ли Чжи всё понял. Он был мальчиком тихим, послушным, а потому, пока остальные носились во дворе с рогатками и пинали мяч, закинул на плечи выдавший виды ранец, выторгованный матерью на блошином рынке, и поплёлся туда, где она обычно проводила время.

— Мама, — негромко позвал Ли Чжи.

Ван Сяочунь резалась в карты. Скользнув по сыну равнодушным взглядом, она даже головы не повернула. Из уголка её рта свисала дымящая сигарета марки «Красный Двойной Восторг».

— Чего тебе? — буркнула она.

— Я спросить хотел...

Когда Ван Сяочунь сидела за игровым столом, она превращалась в пороховую бочку — только тронь, сразу рванёт. Мальчик робел перед матерью, слова застревали в горле, выходя робким, едва различимым писком.

Она вскинула тонкую бровь, и её пальцы с ярко-красным маникюром с сухим стуком зашуршали костяшками маджонга.

— Не зуди под ухом. Жди, видишь — занята!

Ли Чжи послушно кивнул и примостился рядом на низком пластиковом табурете. Он успел наглотаться сизого табачного дыма, прежде чем лицо матери наконец просветлело. Она с победным стуком сбросила костяшки на стол:

— Чоу! Мой выигрыш!

— Живее, раскошеливайтесь! — Она торжествующе вскочила, требовательно протягивая ладони. Напарники недовольно заворчали, но принялись нехотя отсчитывать купюры.

Сяочунь ловко сгребла выигрыш, распихала по карманам и, зябко сощурившись на угасающее солнце, объявила:

— Всё, хорош на сегодня. Стемнеет скоро, разбегаемся. До следующего раза!

Она подхватила сына за руку, собираясь уходить, но сзади тут же поднялся недовольный гул:

— Эй, Сяочунь, ты куда вырядилась? Время детское, давай ещё партию!

Ван Сяочунь небрежно отмахнулась:

— Нет, дела у меня. Домой пора.

— Слышь, подруга, так дела не делаются! — зашумели игроки. — Как бабки состригла — так сразу дёру? Совесть поимей! С такой паскудной манерой игры мы тебя больше за стол не пустим!

Ван Сяочунь презрительно фыркнула и, пропустив угрозы мимо ушей, зашагала прочь.

Зной плавил асфальт и разжигал нервы. Оставшиеся без гроша картёжники завелись с пол-оборота. Вслед полетели колкие упрёки, а один из стариков выдал такое грязное ругательство, что Ван Сяочунь резко затормозила и крутанулась на каблуках.

— Расквохтались, сучье племя! — взвилась она, грозно выгнув тонкие брови. — Рот бы свой поганый прикрыл, старый хрен, пока зубы целы! Мои ноги — куда хочу, туда и топаю, не тебе указывать! Тоже мне, великие игроки! Думаешь, мне в радость с нищелюдами вроде вас время терять?!

Старик, который только что сыпал матерщиной и слыл среди местных непревзойденным мастером площадной брани, побагровел. Он хватал ртом воздух, точно выброшенная на берег рыба, но не мог выдать ни слова. Соседи по столу испугались, как бы его не хватил удар, засуетились вокруг, похлопывая по спине. Один из них смачно сплюнул под ноги и процедил вслед удаляющейся женщине:

— Тварь шальная... Шлюха приبلудная, строит из себя невесть что!

Впрочем, похотливый взгляд старика так и остался приклеен к её покачивающимся бёдрам. Почувствовав кожей это липкое, грязное внимание даже на расстоянии, Ван Сяочунь безглаголиво передёрнула плечами:

— Кобели облезлые...

Семеня рядом и крепко держась за её ладонь, Ли Чжи обернулся сначала на полуголого соседа, а затем посмотрел на мать. Её лицо превратилось в каменную маску с плотно сжатыми губами. Мальчик знал: несмотря на сегодняшнюю свару, пройдет пара дней, и эти люди снова позовут её, прикрываясь вечным «четвёртого не хватает».

И Ван Сяочунь пойдёт. Деваться ей было некуда — для неё игра заменяла настоящую работу. Выпав из нормальной жизни на долгие годы, она так и не сумела найти ничего приличного. Благо за карточным столом ей сопутствовала удача, и выигрыш неплохо латал дыры в скудном семейном бюджете. Вот только водиться с ней в этом захолустье никто не желал, кроме кучки похотливых мужиков.

В их тесном, нищем и дремучем квартале всю их семью откровенно недолюбливали. И Ли Чжи, и его простоватого отца обходили стороной, а на мать косились с плохо скрываемой злобой. Причин у этой неприязни было две. Во-первых, Ван Сяочунь была ослепительно, вызывающе красива. Ли Чжи частенько заглядывался на старые плакаты с гонконгской кинодивой Розамунд Кван — мать казалась её точной копией. А во-вторых, что куда страшнее в глазах местных кумушек, в своё время Сяочунь крутила роман с богачом. Проще говоря, была содержанкой.

В конце прошлого века в глухой провинции на юго-западе страны родилась девочка. Сяочунь оказалась средним ребёнком между старшим и младшим братьями. Родители, отравленные вековым укладом, где сыновья — венец творения, а дочери — лишь обуза, всю нежность без остатка отдавали мальчишкам. Ван Сяочунь доставались лишь понукания да побои.

Из школы её забрали ещё до окончания средних классов — якобы не на что было учить, а на деле просто пожалели денег. Несколько лет она батрачила по дому, а едва ей стукнуло восемнадцать, случайно подслушала, как отец с матерью сговариваются выдать её за беззубого пятидесятилетнего вдовца из соседнего села. На вырученный выкуп они планировали сыграть свадьбу старшему сыну. Обезумев от ужаса, девчонка выгребла из родительской заначки все сбережения и сбежала посреди ночи.

Образованием она не блистала, зато решимости ей было не занимать. Возненавидев родителей, которые годами сосали из неё кровь, она без оглядки рванула в сияющий огнями, баснословно дорогой город S. Больше о тех мертвецах в её жизни ничто не напоминало.

Без диплома и связей, наивная деревенщина среди изысканной городской публики, Сяочунь поначалу выглядела нелепо. Но её спасла внешность. Дивная, редкая красота привлекла

внимание управляющего роскошного пятизвёздочного отеля, и девушку пристроили лифтёром.

Там-то она и встретила Чжоу Госюна. Тот выдавал себя за свободного олигарха, одевался с иголки, источал лоск и осыпал её пылкими признаниями. Юная, не выдавшая ласки Сяочунь растаяла — городские огни окончательно затуманили ей разум.

Оказавшись на самом дне столичного омуты тщеславия, глупая девчонка поверила в сказку. Сверкающие бриллианты, бесконечные брендовые сумки, щедрые обещания жениться — голова кружилась без остановки. Иллюзии разбились в один миг, когда на пороге её съёмной квартиры появилась законная супруга Чжоу Госюна — на девятом месяце беременности — и без лишних слов вlepила разлучнице пару хлёстких пощёчин.

Охрана обманутой жены выгребла из квартиры всё ценное до последней булавки. Сяочунь вновь осталась у разбитого корыта, а роскошная сытая жизнь растаяла как утренний туман. Но худшее ждало впереди: вскоре после разрыва выяснилось, что она беременна. Оказавшись у края пропасти, без гроша в кармане, несчастная всерьёз подумывала о петле.

Спасение пришло откуда не ждали. Простой строитель Ли Сянси, встретив её на улице, обомлел от такой неземной красоты и без памяти влюбился. Вскоре они поженились.

В народе таких мужчин называют благородными простаками. Ему было плевать на чужого ребёнка под сердцем невесты, плевать на косые взгляды окружающих — он светился от счастья и с гордостью привёл молодую жену в свою крошечную хрущёвку на окраине города.

Соседи поначалу исходили завистью, дивясь, какую писаную красавицу отхватил неприметный работяга. Но шила в мешке не утаишь: слухи о бурном прошлом Сяочунь быстро просочились наружу. На супругов обрушился шквал презрения. В те годы забеременеть без мужа считалось несмываемым позором, а уж стать подстилкой богача — грехом из грехов.

Их годами поливали грязью за спиной, но со временем они научились не обращать внимания. Ли Чжи вырос под этот шёпот.

Ван Сяочунь затушила окурок о край урны и повернулась к сыну:

— Так чего ты там бормотал?

— Почему меня называли Ли Чжи? — тихо спросил мальчик.

Сяочунь шумно вздохнула, припоминая:

— Да жара стояла несусветная, июль на дворе. В больнице за окном цикады — эти их «чжи-чжи» — трещали без умолку, аж зубы сводило. Вот я и решила, что ты их отпрыск. Назвала Ли Чжи.

Родившаяся под несчастливой звездой и привыкшая ко всему относиться спустя рукава, Ван Сяочунь столь же небрежно наделила именем собственного сына. Ли Чжи лишь молча переваривал услышанное.

За ужином, когда вся семья собралась за колченогим столом, Ли Чжи повторил свой вопрос отцу. Тот добродушно рассмеялся, ласково потрепав мальчишку по макушке:

— Наш Чжи-эр должен вырасти умным, набраться знаний и стать достойным человеком!

Сяочунь, сидевшая рядом с миской риса, лишь пренебрежительно закатила глаза.

Когда в школе учительница литературы устроила опрос, Ли Чжи, конечно, пересказал красивую отцовскую версию. Но в глубине души он верил матери: его имя означало лишь назойливую, кричащую от жары цикаду.

Впрочем, быть цикадой — не худшая доля. Ли Чжи рос неприхотливым: сыт, одет — и ладно. Отец души в нём не чаял, заботился пуще прежнего. Мальчик искренне верил, что у него самая счастливая семья на свете. Мама — боевая и пробивная, папа — работающий добряк, ну а он сам хоть звёзд с неба не хватает, зато послушный.

В учебнике геометрии писали, что треугольник — самая устойчивая фигура. Ли Чжи проецировал это правило на свою жизнь: пусть они бедны, но их трое, каждый на своём месте, а значит, этот хрупкий мирок никогда не рухнет.

Он жестоко ошибался. Отец ушёл навсегда.

В зимние каникулы восьмого класса на стройке лопнул проржавевший трос, и сорвавшаяся железная балка раскроила отцу череп. Он погиб на месте. Подрядчик тут же подался в бега, оставив вдову без копейки компенсации. Прежде стойкая и гордая Ван Сяочунь сутками обивала пороги инстанций, выплакав все глаза.

Жизнь превратилась в сущий кошмар. Единственная опора рухнула, похоронив под обломками остатки семейного тепла. Сяочунь ожесточилась. Она и раньше не отличалась кротостью, но теперь её словно подменили. Побои и брань сделались для Ли Чжи обычным делом — мать срывала на нём злость за любую мелочь. Лицо и руки подростка вечно цвели синяками и ссадинами. О трагедии в их доме раструбили на каждом углу, и в школе на Ли Чжи стали коситься с тоскливой жалостью.

Подростковый возраст — самое уязвимое время, когда любая косая ухмылка бьёт наотмашь. Ли Чжи и сам не заметил, как отрастил длинную чёлку, закрывающую половину лица, а уродливые дешёвые очки в чёрной оправе словно намертво приросли к переносице. Он стал горбиться, втягивать голову в плечи и красться вдоль стен, стараясь слиться с серой штукатуркой. Стоило кому-то заговорить с ним, как его прошибал холодный пот, а по телу пробегала нервная дрожь.

Но ещё большей загадкой стало то, как быстро мать выбралась из пучины депрессии. В один прекрасный день она стряхнула с себя траур, начала тщательно наряжаться и пропадать допоздна. Господи, как же она преобразилась!

Изящная, холёная женщина, сошедшая с обложки модного журнала, и забитый, взъерошенный парень в мешковатой одежде — оказавшись рядом, они вызывали у прохожих лишь недоумение. Ни один человек в здравом уме не признал бы в них мать и сына.

Впрочем, Сяочунь это мало волновало. Она пребывала в каком-то лихорадочном возбуждении. Одним невыносимо жарким утром она расщедрилась на такси и, затолкнув ошарашенного Ли Чжи в салон, приказала везти их на другой конец города.

Машина остановилась у роскошного поместья, утопающего в сочной зелени ухоженных газонов. Сквозь кованые кружева массивных ворот Ли Чжи разглядел бьющий ввысь белоснежный фонтан, а за ним — величественный дворец, какой он не видел даже на картинках в книгах.

Мальчик никогда не бывал в подобных местах. Ему казалось, будто они перенеслись в сказку про королей и рыцарей — настолько монументальным и ослепительным было это великолепие. Он застыл на месте, разинув рот.

Ван Сяочунь уверенным шагом направилась к проходной. Охранник у ворот, завидев её, расплылся в приветливой улыбке:

— А-цзе! Ты пришла!

Она кокетливым жестом поправила причёску.

— Я к Госюну.

Лицо секьюрити тут же вытянулось, на нём отразилось явное замешательство:

— Ох, госпожа... Может, обождёте немного? Сейчас хозяин... боюсь, не лучшее время для визитов...

Мужчина понизил голос до заговорщического шёпота:

— Молодой господин позвал соучеников. У них там праздник.

Ван Сяочунь недовольно нахмурилась:

— Чжоу Госюн сам назначил мне на сегодня! И именно на это время! — отрезала она, повысив голос.

Зная крутой нрав гостыи, спорить охранник не решился. Он торопливо щёлкнул замком и распахнул калитку. Сяочунь мёртвой хваткой вцепилась в ладонь впавшего в ступор сына, а другой рукой крепко прижала к груди увесистый конверт из плотной крафтовой бумаги.

Гордо вскинув подбородок, она вышагивала по мощёной дорожке царственной походкой воительницы, идущей на штурм. Не оборачиваясь, она процедила сквозь зубы:

— Шевелись, цикада. Идём знакомиться с твоим папочкой. Настоящим.

<http://bllate.org/book/20441/2105833>